

УДК 159.937.535.6 : 159.955.2 Витгенштейн

Филоненко Б. А.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

ЦВЕТ В АНТИФИЛОСОФИИ ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА

В статье ставится проблема исключения темы цвета из философского дискурса в контексте роста интереса к цвету в XX столетии в поле культуры и политики. Вопрос о возможности включения темы цвета в философский дискурс рассматривается через концептуальное различие трех фигур – философа, софиста и антифилософа, предложенное Аленом Бадью в семинарах и работах после 1992 года. Особое внимание уделяется фигуре антифилософа. Исходя из положений Бадью об отличии антифилософии и софистики, проведен краткий обзор работы Людвиг Витгенштейна «Заметки о цвете», демонстрирующий ее антифилософское содержание.

Ключевые слова: цвет, антифилософия, границы языка, пропедевтика.

У статті поставлено проблему виключення теми кольору з філософського дискурсу в контексті значної зацікавленості кольором у XX сторіччі в полі культури і політики. Питання про можливість включення теми кольору у філософський дискурс розглянуто через концептуальне розрізнення трьох фігур – філософа, софіста і антифілософа, запропоноване Аленом Бадью в семінарах і роботах після 1992 року. Найбільшу увагу приділено фігурі антифілософа. Виходячи з положень Бадью про різницю між антифілософією та софістикою, проведено стислий огляд роботи Людвіга Вітгенштайна «Нотатки про колір», який демонструє її антифілософський зміст.

Ключові слова: колір, антифілософія, межі мови, пропедевтика.

The article raises the problem of colour-eliminating theme inside philosophical discourse in the context of growing interest to colour in the XX century in the field of culture and politics. The possibility of inclusion this topic inside the philosophical discourse is viewed through the conceptual distinction of three figures – the philosopher, the sophist and the antiphilosopher, which was proposed by Alain Badiou in seminars and work after 1992. Particular attention is given to the antiphilosopher. Based on the provisions of the difference between Badiou's antiphilosophy and sophistry, article holds a brief overview of the Ludwig Wittgenstein's work «Remarks on Colour», and shows its antiphilosophical content.

Key words: colour, antiphilosophy, borders of language, propaedeutics.

В «Цветоккодах» (Color codes, 1995), одной из наиболее полных работ о современных теориях цвета, Чарльз Райли (Charles Riley) отмечает умение науки, теории познания, искусства, логики и этики объединять усилия вокруг общей проблемы, и противопоставляет его желанию философии простаивать очередь, лишь бы исследовать всё самостоятельно. Эту же черту выделяет Ален Бадью: «Philosophers are not, nor can they be, modest participants in team work» [10, с. 68] – «В командной работе философы не являются и не могут быть скромными участниками» (*здесь и далее перевод мой. – Б. Ф.*). Подобная особенность имеет свои последствия: не каждая проблема достойна того, чтобы её отстоять. Во-первых, потому что стоять приходится долго (Лейбниц: «<...> о любом цвете я вынужден буду сказать, что это что-то такое, что я ощущаю очень ясно, но объяснить не могу» [7, с. 620]), во-вторых, потому что не каждое явление легитимизируется в качестве предмета философского рассмотрения (Бадью: «Мы знаем, например, что “определение” законов движения к философии ни в коей мере не относится» [1, с. 10-11]). Так многие темы долгое время находятся на периферии философского интереса, либо вовсе исключаются как таковые. До выхода двухтомной работы Жюль Делёза «Кино» трудно было говорить о кинематографе в рамках академического философского дискурса; в гуманитарных кругах спорт нес на себе клеймо табуированной темы еще десять лет назад, пока о нём всерьез не заговорил Ханс Ульрих Гумбрехт в работе «Похвала красоте спорта». Что касается интересующей нас темы цвета, то своеобразным диагнозом исключения хроматики из поля философских вопросов стало замечание Вольфганга Гёте в его главной работе «Учение о цвете» (Zur Farbenlehre, 1810): «Когда быку показывают красный платок, он приходит в ярость; философ же начинает бесноваться, как только заговоришь с ним о цвете вообще» [6, с. 132].

На рубеже XIX-XX столетий исключение темы цвета из философского дискурса (в противовес перманентной заинтересованности светом: от Платона до Псевдо-Дионисия Ареопагита, от Декарта до проекта Просвещения) оказалось особенно заметным, и дальше становилось только более явным. Когда в изобразительном искусстве стало видно, как цвет побеждает классическую фигуративность и становится доминантой в художественных поисках целого ряда течений: от импрессионистов до поп-арта. За определенными художниками закрепились специфические цвета. Наряду с желтым цветом Вильяма Тернера возник желтый Ван Гога, Ив Кляйн создал «международный синий» (например, работа «International Klein Blue 191», 1962), Василий Кандинский работал с базовым триколором (например, работа «Желтое-красное-синее», 1925), Каземир Малевич похоронил живопись в черном, Освальд Шпенглер обратил внимание на «рембрандтовский» коричневый и т. п. В литературе хроматика занимает значительное место в произведениях Джеймса Джойса, Владимира Набокова, Томаса Пинчона и др. Проблемой цвета захвачены композиторы – Рихард Вагнер, Арнольд Шёнберг и Карлхайнц Штокхаузен и др. Оппозиция черное / белое обрела новый смысл в политике. В биографическом фильме Спайка Ли (Malcolm X, 1992) афроамериканский борец за права темнокожего населения США Малкольм Икс читает со своим наставником словарные статьи о словах «черный» и «белый», сталкиваясь с недвусмысленной антиномией. Черное определяется как «испачканный, грязный, плохой, страшный, враждебный, зловещий, дурной, порочный...», белое – как «лишенный пятен, невинный, чистый, лишенный злых намерений, безвредный, честный, справедливый, достойный...». Режиссер Михаэль Ханеке, наоборот, снимает черно-белый фильм «Белая лента» (Das weiße Band, 2008) о зарождении нацизма в Австрии, тем самым объективируя взгляд, «обесцвечивая» поле политического, где обычно принято «защищать свои цвета».

Последняя работа Людвиг Витгенштейна «Заметки о цвете» стала одной из редких попыток дать философский ответ на хроматические вызовы современности. Однако *актуальным* вопросом остается следующий: можно ли говорить о нем именно как о философском ответе? Если цвет рассматривается как философский концепт, легитимно ли вообще внимание Жюль Делёза к философским концептам, если он «никогда не чувствовал ни необходимости в таком понятии [как «истина»], ни вкуса к нему» [2, с. 76]? Для прояснения этих вопросов мы обратимся к Алену Бадью, человеку, который в 1988 году, с выходом «Бытия и События» (L'Être et l'Événement, 1988), вернул философии её троякий предмет – истину, бытие и субъект. Так *целью* этой статьи является демонстрация присутствия темы цвета и ее оправдание в рамках философии, а *задачей* – представление этой темы на стыке двух работ и концепций: «Антифилософии Витгенштейна» Бадью и «Заметок о цвете» Витгенштейна.

Если в «Бытии и Событии» (1988) и «Манифесте философии» (1989) Бадью дает новое начало философии (решая проблему «молчания философии» после Мировых войн), то с 1992 года в сферу его интересов входят Ницше, Витгенштейн, Лакан и Апостол Павел, которым он посвящает серию семинаров и называет их «антифилософами». В «Антифилософии Витгенштейна» (L'Antiphilosophie de Wittgenstein, 2009) он пишет: «Among the most interesting philosophers there are those whom I call antiphilosophers» – «Среди наиболее интересных философов есть те, кого я называю антифилософами» [10, с. 67]. О ком идет речь?

Антифилософ рождается в паре с тем, кого сам он считает философом. Бадью называет главных антифилософов: Гераклита (против Парменида), Паскаля (против Декарта), Руссо (против Вольтера), Кьеркегора (против Гегеля), Ницше (против Платона), Лакана (против Альтюссера). Сюда же, в особом статусе, попадают Диоген, Апостол Павел и Витгенштейн. У Питера Холлуарда, британского комментатора Бадью, читаем: «antiphilosophy reveals, where philosophy explain» [11, с.20] – «антифилософия раскрывает там, где философия объясняет». Антифилософия – слово, позаимствованное из самоопределения Жака Лакана, и возведенное Бадью в статус понятия, – не антитезис философии (хотя в предисловии «Бытия и События» встречается именно в таком значении), а третье звено в треугольнике философия / софистика / антифилософия. Происходит важная корректировка взглядов «раннего» Бадью (где софист был «политическим врагом» философа-платоника): «The arch-sophist Nietzsche was also a “prince of contemporary antiphilosophy”» [11, с. 22] – «Верховный софист Ницше был также принцем современной антифилософии».

С одной стороны, антифилософия всегда содержит в себе элемент софистики и потому противопоставлена философии. «Современная софистика» (modern sophistics) – Деррида, Ваттимо, Рорти, Лиотар, Барбара Кассен – те, кто «по следам великого Витгенштейна» [10, с. 17] представляют корень проблем мышления как проблему функционирования языка, подменяют базовую философскую пару «истина – ложь» парой «то, что можно высказать – то, что невозможно высказать», а идею истины подменяют идеей правила (речь идет о проблеме следования правилу, представленной в §§143-242 «Философских исследований» Витгенштейна). Но элемент софистики не является основополагающим в определении антифилософии. Так, с другой стороны, софисты не удовлетворяют антифилософа и «всегда попадают под более сильный удар» [11, с. 25], потому как не видят предела в лингвистических спекуляциях, теряя ценность истины.

Вписывая эту триаду в схему «Бытия и События» можно сказать, что если философ именуется Событием, а софист – фигура, не признающая истины События, то антифилософ – «пробудитель», не дающий философу забывать о том, что «the conditions of philosophy, i.e., the truths to which it bears witness, are always *contemporary* to it» [10, с. 67] – «условия философии, т.е. истины, о которых она свидетельствует, всегда *современны* ей». «They claim to be contemporary not only of the truth that proceed in their time but they are also make their own life the theater of their ideas, and their body the place of Absolute» [10, с. 68] – «Они [антифилософы] заявляют не только о современности истины, которая развивается в их время, но также создают собственную жизнь как театр своих идей, а тело как место Абсолюта».

Холлуард говорит о тонкой границе между антифилософией и религией: «Antiphilosophy is a rigorous and quasi-systematic extrapolation from an essentially religious partis. Antiphilosophy is religion in philosophical guise, argued on philosophical terrain» [11, с. 20] – «Антифилософия – существенным образом безжалостная и квази-систематическая экстраполяция религиозной предвзятости. Антифилософия – это религия в философском облики, аргументированная на территории философии».

Особенность статуса Витгенштейна в этих построениях такова, что Алену Бадью т. н. ранний Витгенштейн (или Витгенштейн I, как бы назвал его Бертран Рассел) представляется, наряду с Ницше, главным антифилософом, а поздний – человеком, которому «хватило вкуса» не печатать свои «софистические» тексты. Неприятие ненапечатанных текстов Витгенштейна – не новая проблема. Так Рассел артикулировал деление на Витгенштейна I и Витгенштейна II в насмешку над его поздней философией. У Айера читаем пассаж, ставящий под вопрос целесообразность «второго периода»: «Я не думаю, что Витгенштейн, доминирующий в Кембридже последние тридцать лет, был здоровым явлением для Кембриджской философии. Мур каким-то особым чутьем понимал, что он не способен противодействовать влиянию Витгенштейна. Я думаю, что это мог бы сделать Рамсей, и он, вероятно, остановил бы Витгенштейна от исследований в том направлении, которое, как считаю я, вообще никогда не приведет к успеху» [цит. по.: 8, с. 6]. Мы же, как уже было сказано выше, видим свою задачу в том, чтобы представить проблему цвета у Витгенштейна (в текстах после «Логико-философского трактата») в русле антифилософии. С одной стороны, вступая в спор с Бадью, с другой – несколько дополняя.

«Color played a fundamental role in Wittgenstein's career» [12, с. 25] – «Цвет играл основополагающую роль в карьере Витгенштейна» – пожалуй, лучшее начало разговора о Витгенштейне и цвете. Действительно, цвет фигурирует уже в «Логико-философском трактате» и именно здесь становится проблемой. Витгенштейн замечает, что свойством слов, обозначающих цвета, является их незаменимость (colour-exclusion) – если А это красный, то А не зеленый, желтый и т. д. Бибахин пишет: «Однажды вникнув в цвет, я не подлежу в его области смене аспекта: невозможно внезапным переключением увидеть красное, например, коричневым» [3, с. 465]. Именно это свойство разрушает ключевой тезис «Трактата» – логическую независимость элементарных предложений. «Несовместимость приписываний цвета служит Витгенштейну в качестве парадигмы проблемы, хотя подлинный вопрос является более общим» [9, с. 47]. Проблема цвета заставляет отказаться от независимости элементарных предложений и принять существование связей между ними: «Трактат» пересматривается. Если наложить на данную ситуацию тезис Бадью, что в «Логико-философском трактате» Витгенштейн был антифилософом, а после – стал софистом, мы

оказываемся в ситуации, в которой проблема цвета не укладывается в его антифилософию, но становится частью речи софиста. Как мы помним, и для философии проблема цвета – маргиналия, исчезающая уже при постановке проблемы цвета. Так ли это? Можно ли принять подобный, лишний раз манифестируемый водораздел между «двумя Витгенштейнами», в контексте проблемы цвета в его работах?

Если мы пойдем дальше, то увидим, что после толстовских скитаний и работы преподавателем в сельских школах Австрии, Витгенштейн возвращается в Кембридж. Там он читает лекции, в которых уделяет внимание «цвету» как псевдопонятию, ограничивающему язык (по Бадью – перед нами новый Витгенштейн-софист). Читаем: «*“Основной цвет” и “цвет” – суть псевдопонятия. Бессмысленно говорить “Красный – это цвет”, а сказать “Есть четыре основных цвета” то же самое, что сказать “Есть красный, голубой, зеленый и желтый”. Псевдопонятие (цвет) проводит границу самого языка, обычное понятие (красный) проводит границу внутри языка*» [5, с. 284]. Цвет становится одним из ключевых вопросов в «Философских исследованиях» (например, §§16, 73, 236-239, 273), где рассматривается как специфический тип языковых игр. Это же видим и в «Заметках о цвете»: «*1. A language-game: Report whether a certain body is lighter or darker than another. – But now there’s a related one: State the relationship between the lightness of certain shades of colour. (Compare with this: Determining the relationship between the lengths of two sticks and the relationship between two numbers.) – The form of the propositions in both language-games is the same: “X is lighter than Y”. But in the first it is an external relation and the proposition is temporal, in the second it is an internal relation and the proposition is timeless*» [13, с. 2] – «*1. Языковая игра: сообщается, что некое тело светлее или темнее другого. – И еще одна, схожая: установлено отношение по степени светлости между определенными оттенками цвета. (Сравним: определены отношения между длинами двух палок и между двумя числами.) – Форма высказывания в обеих языковых играх совпадает: «X светлее, чем Y». Но в первом случае, это внешняя связь и высказывание преходяще, а во втором, это внутренняя связь и высказывание не зависит от времени.*»

Однако, дальше в «Заметках о цвете» мы сталкиваемся с рядом фрагментов, которые, будь они вырваны из контекста работы, на первый взгляд не имеют к теме цвета прямого отношения. Эти фрагменты обнажают связь текстов Витгенштейна с «Учением о цвете» Гете, их внутреннюю близость в методе исследования цвета как первичного и понятийно несхватываемого феномена – той проблемы, которая, по мнению Бадью, приходит в антифилософии на смену философской паре истина – ложь. Читаем: «*When someone who believes in God looks around him and asks, “Where did everything that I see come from?” “Where did everything come from?” he is not asking for a (causal) explanation; and the point of his question is that it is the expression of such a request. Thus, he is expressing an attitude toward all explanations. But how is this shown in his life? <...> Practices give words their meaning*» [13, с. 58] – «*Когда тот, кто верит в Бога, смотрит по сторонам и спрашивает «Откуда произошло всё то, что я вижу?» «Откуда всё произошло?» он не просит объяснения (причины); суть его вопроса в самом выражении этой просьбы. Так он выражает свою позицию по отношению ко всем объяснениям. Но как это становится видимым в его жизни? <...> Практика дает словам их значения.*» Перед нами тезис «значение = употребление», переформулированный в антифилософском духе. Т. е. в духе такой философии, которая пропускает истину через жизнь, ставит вопрос о сути бытия, подразумевая то, как этот вопрос выражается через практику. Бадью пишет: «*In the end my theory is that philosophy should always think as closely as possible to anti-philosophy*» [цит. по: 11, с. 21-22] – «В конечном итоге, моя теория заключается в том, что философия всегда должна думать настолько близко к антифилософии как это только возможно». И если поздний Витгенштейн «Заметок о цвете» – софист, то это софистика столь близкая к антифилософии, насколько она таковой может быть.

Это положение подтверждается и в том случае, если мы рассматриваем «Заметки о цвете» Витгенштейна как работу, в которой автор берет на себя роль арбитра в классическом споре о цвете между Ньютоном и Гете. Ранее в работе «Культура и ценность», в заметке, датированной 1931 годом, Витгенштейн описывает теорию Гёте как психологическую (в это время он особенно увлечен Фрейдом): «*Полагаю, истинной целью поисков Гёте была не физиологическая, а психологическая теория цвета*» [4, с. 48], то в «Заметках о цвете» это определение меняется: «*16. Phenomenological analysis (as e.g. Goethe would have it) is analysis of*

concepts and can neither agree with nor contradict physics» [13, с. 4] – «16. Феноменологический анализ (какой, например, можно увидеть у Гёте) – это анализ понятий и не может ни соглашаться с физикой, ни противоречить ей». Здесь возникает главная отличительная черта теорий цвета британца и немца: Ньютон создает именно теорию цвета, Гете же не создает теорию в прямом смысле слова. В ней нет никакого ключевого эксперимента, который мог бы подтвердить или опровергнуть эту теорию. Однако Гете сохраняет то, что так необходимо философии: удивление перед феноменами природы и цветом как первым феноменом. Витгенштейн пишет: «Цвета побуждают к философствованию. Возможно, это и объясняет страсть Гете к учению о цвете. Цвета, кажется, задают нам загадку, загадку, которая нас побуждает – не возбуждает» [цит. по: 3, с. 461-462]. Ни страсти, ни побуждения нет в учении Ньютона. Цвет становится началом, пропедевтикой философствования, тем аристотелевским удивлением, которое становилось импульсом философского акта. В отличие от «психологической» интерпретации работы Гете, теперь перед нами интерпретация антифилософская.

В тех же «Заметках о цвете» Витгенштейн описывает состояние, в котором он находит себя, подбираясь к цвету: «Мы стоим тут как бык перед свежеокрашенными воротами» [цит. по: 3, с. 494]. Этот антифилософский ступор, артикуляция которого стала возможна в лоне философского дискурса, свидетельствует о том, что тот разъяренный бык-философ, описанный Гете, не желающий ничего знать о цвете, теперь усматривает в нем феномен, тесно связанный с философствованием как таковым. Перефразируя Делеза: *всегда приходит час, полуденный или полночный, когда вопрос «что такое цвет?» превращается в другой: «что такое философия?».*

Таким образом, мы пришли к следующим выводам. К моменту написания Людвигом Витгенштейном «Заметок о цвете» поле культуры и поле политики были охвачены проблемой цвета, чего не случилось в рамках философского дискурса (в большей мере сосредоточенного на свете). Однако дискуссии о природе философии, инициированные Аленом Бадью в 1980-х годах и переопределившие такие понятия как «событие», «истина», «философия», «софистика» и «антифилософия», подготовили почву для легитимации темы цвета внутри философского дискурса. Нами был оспорен тезис Бадью о том, что поздний Витгенштейн перестает быть антифилософом и уходит в софистику. Мы пунктирно обозначили развитие темы цвета в работах Витгенштейна от «Логико-философского трактата» до «Заметок о цвете» и утверждаем, что последняя работа является антифилософской, раскрывающей концепт цвета в русле аристотелианско-романтической феноменологии Гете. Цвет здесь рассматривается не только как языковая игра или «софизм», но как первый феномен, побуждающий к философствованию через удивление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадью А. Манифест философии / Ален Бадью ; [сост. и пер. с франц. В. Е. Липицкого]. – СПб. : Machina, 2003. – 184 с.
2. Бадью А. Делез. Шум бытия / Ален Бадью ; [пер. с франц. Д. Скопина]. – М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Логос-Альтера, Ессе homo, 2004. – 184 с.
3. Бибихин В. В. Витгенштейн: смена аспекта / Владимир Бибихин. – М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 576 с.
4. Витгенштейн Л. Культура и ценность / Людвиг Витгенштейн ; [пер. с англ. Л. Добросельского] // Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. – М. : АСТ: Астрель, 2010. – 250 с. – (Philosophy).
5. Витгенштейн Л. Лекции: Кембридж 1930-1932. По записям Дж. Кинга и Д. Ли / Людвиг Витгенштейн ; [пер. с англ. Т. Михайловой] // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. – М.: Прогресс, Культура, 1993. – 352 с.
6. Гёте И. В. Очерк учения о цвете / Иоганн Вольфганг Гете ; [пер. с нем. И. А. Верейной и А. А. Поповой] // Гёте И. В. Избранные философские произведения. – М. : Наука, 1964. – 520 с.
7. Лейбниц Г. В. Переписка Лейбница и Т. Бернета Де Кемни / Готфрид Вильгельм Лейбниц ; [пер. с франц. П. С. Юшкевича] // Лейбниц Г. В. Собрание сочинений : [в 4-х т. ; Т. 2]. – М. : Мысль, 1983. – 683 с.

8. Рамсей Ф. П. Философские работы / Фрэнк Пламpton Рамсей ; [пер. с англ. В. Суровцева]. – М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013. – 368 с.
9. Хинтиikka Я. О Витгенштейне / Яакко Хинтиikka ; [пер. с англ. В. Целищева] – М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013. – 272 с.
10. Badiou A. Wittgenstein's Antiphilosophy / Alain Badiou ; [translated from the French by V. Bosteels]. – London, New York : Verso, 2011. – 186 p.
11. Hallward P. Badiou: A Subject to Truth / Peter Hallward. – Minneapolis, London : University of Minnesota Press, 2003. – 469 p.
12. Riley C. Color Codes: Modern Theories of Color an Philosophy, Painting and Architecture, Literature, Music and Psychology / Charles Riley. – Hanover and London : University Press of New England, 1995. – 373 p.
13. Wittgenstein L. Remarks on colour / Ludwig Wittgenstein ; [translated from the German by C. G. Luckhardt and M. A. E. Aue]. – Oxford : Blackwell Publishers Ltd, 1998. – 63 p.